роль коммунистической партии, «цементирующие» всё «здание» системы. По этой причине трудно в настоящее время использовать опыт воспитательной работы с молодежью, накопленный в годы Великой Отечественной войны, но некоторые элементы системы можно взять на вооружение при организации патриотического воспитания.

1. Великая победа советского народа. 1941 – 1945. М., 1976. С. 48.
2. Правда. 1941, 6 июля.
3. ГАСО. Ф. 2198. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.
4. Правда. 1941, 7 июля.
5. Пропагандист, 1942, №20. С. 36.
6. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 49.
7. ЦДООСО. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 18. Л. 64-97.
8. Комков Г.Д. Идейно-политическая работа КПСС в 1941 – 1945 гг. М., 1965. С. 190.
9. Нижнетагильский государственный исторический архив. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 134 об.

Баранов Е.Ю.
(Екатеринбург)

Торговля на Урале в голодные годы*

В 1932–1933 гг. Урал, как и ряд других зернопроизводящих регионов СССР – Украину, Поволжье, Северный Кавказ, Казахстан, Западную Сибирь, Центральное Черноземье, поразил голод. Но еще с конца 1920-х годов стали возникать продовольственные затруднения, обусловленные форсированием темпов модернизационного развития. Голод проявился в 1931 г. Наиболее критическая ситуация сложилась в сельской местности, где в отдельных районах в 1933 г. наблюдались случаи голодных смертей и каннибализма из-за отсутствия продовольствия. Недостаток продуктов испытывало и городское население Урала. Советское руководство, обеспечивая индустриальный курс, отдавало приоритет в снабжении продовольственными продуктами жителям индустриальных центров,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ проект № 06–01–00331а.

городов и рабочих поселков. Но городское снабжение пострадало из-за трудностей хлебозаготовок, развала внутреннего рынка.

Для стабилизации положения с продовольствием и более четкой регламентации снабжения по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР в январе 1931 г. ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Хотя всесоюзная карточная система на хлеб существовала с 1929 г., а нормированная продажа продовольствия – с 1928 г. Карточки выдавались только работающим в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. С начала 1931 г. в стране существовало четыре списка снабжения: особый, первый, второй и третий. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли ведущие индустриальные предприятия Урала. Жители промышленных центров должны были получать из фондов централизованного снабжения по карточкам хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца. Внутри каждого списка существовали различные стандарты снабжения, которые зависели от производственного статуса людей (1). Произошло оформление иерархии снабжения населения, она получила статус, утвержденный высшим и центральным партийно-государственным руководством.

Однако в начале 1932 г. Урал испытывал серьезные затруднения со снабжением рабочих продуктами питания вследствие систематического невыполнения предусмотренных центральным руководством планов завоза. Во второй половине мая – первой половине июня 1932 г. Уральская область располагала хлебными ресурсами для удовлетворения нужд рабочего снабжения в размере максимум 30 тыс. т, из которых 12,8 тыс. т находилось в неприкосновенном фонде. Подлежащий завозу хлеб из Воронежа, Нижнего Новгорода и из других регионов не отгружался, что ставило под угрозу снабжение рабочих (2). Отпуск хлебопродуктов на снабжение предприятий и организаций второго и третьего списков, для обеспечения пенсионеров, партизанов, студентов, специалистов села зависел от поступления гарнцевого сбора. Наиболее нестабильными в отношении снабжения профессиональными группами являлись учителя, медицинские, научные работники, служащие, студенты ВУЗов и техникумов, пожарники.

Государство с помощью карточной системы не смогло в должной мере обеспечить продовольствием городское население. Выдача

карточек задерживалась. В ЗРК и ОРСах не хватало продуктов, чтобы обеспечить весь контингент. В тоже время карточная система рассматривалась советским руководством как вынужденная, временная мера, тем более что планы централизованного снабжения не выполнялись. И уже в феврале 1932 г. XVII конференция ВКП(б) поставила задачу подготовить отмену нормирования продовольствия в течение второй пятилетки. Затем были упразднены карточки на яйца, молоко, сыр и многие сорта рыбы. Нормирование осталось на основные продукты питания – муку, хлеб, крупу, мясо, сельдь, растительное и животное масло и сахар (3).

В условиях продовольственного кризиса партийно-государственная система власти вынуждена была обратиться к рыночному механизму продовольственного обеспечения населения, лимитировав его действие. В мае 1932 г. были легализованы колхозные рынки. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была разрешена рыночная торговля сельскохозяйственной продукцией после выполнения установленных планов заготовок. Рыночную торговлю следовало прекращать с началом нового урожая. Однако в реальной жизни сроки рыночной торговли не соблюдались. Крестьяне вывозили на рынок небольшие партии продуктов даже в период запрета их рыночной продажи. В 1932 г. один и тот же товар можно было приобрести по четырем ценам: «нормальным» городским розничным, сельским розничным, коммерческим ценам и ценам колхозного рынка (4).

Недостаток продуктов питания в городах приводил, с одной стороны, к распространению натурального товарооборота, с другой стороны, к росту рыночных (базарных) цен. Крестьяне охотно обменивали продовольствие на промышленные товары. Наибольший рост цен дали 1931 и 1932 гг. Организация колхозной торговли давала на рынке снижение цен на сельскохозяйственные товары. В 1932 г. было организовано ряд колхозных базаров на предприятиях Свердловска (Уралмаш), Челябинска (Челябинский тракторный завод), Березников и др., где цены были значительно снижены: мясо – с 10-12 руб. до 4-6 руб. за 1 кг, молоко – с 2-3 руб. до 1 руб.-1 руб. 50 коп. за 1 литр, животное масло – с 15-20 руб. до 10-12 руб. за 1 кг. Но такие снижения цен носили временный характер, обусловленный ограничением сроков колхозной торговли. Усиление продовольственного кризиса привело в начале 1933 г. к обозначению тенденции повышения рыночных цен, хотя в секторе снабжения

Уральского обкома ВКП(б) это связывали с «ослаблением внимания к колхозной торговле». В организационно-инструкторском отделе Уральского обкома ВКП(б), обследовав состояние советско-колхозной торговли в области в первой половине 1933 г., сделали вывод, что «колхозный базар по сути дела ликвидирован, оставив после себя мелкую спекулятивную торговлишку старого типа». Квалифицированный рабочий вынужден был до 50% своего заработка тратить на покупку продовольствия на колхозном рынке (5). В течение 1933 г. рыночные цены на говядину, пшено, топленое масло, молоко, картофель, яйца и другие продукты поднимались значительно выше цен 1932 г. Снижение рыночных цен началось в сентябре – октябре 1933 г.

Временное снижение цен на продовольственные товары на городских рынках происходило также вследствие организаций ярмарок. На городских ярмарках колхозникам и единоличникам, приехавшим на базар торговать, предоставлялись дефицитные промышленные товары, в ответ колхозники снижали цены на продовольственные продукты. Так, в июне 1933 г. в Магнитогорске до проведения ярмарки 1 кг мяса продавали по 10 руб., на ярмарке мясо снизилось в цене до 6 руб. 50 коп. Масло до ярмарки стоило 14 руб. за 1 кг, на ярмарке – 12 руб. Цена на молоко снизилась на базаре с 1 руб. 50 коп. – 2 руб. до 1 руб. – 1 руб. 30 коп. (6). Но после окончания ярмарок цены начинали расти.

Повышенный спрос на продовольствие в условиях голода заставил в марте 1933 г. ввести коммерческую (свободную) торговлю хлебом. В Уральской области первыми городами, в которых была разрешена свободная продажа хлеба с 15 сентября 1933 г., стали Свердловск, Магнитогорск, Челябинск, Пермь. Розничные цены на хлеб в этих городах устанавливались вслед за Москвой, Ленинградом на ржаной хлеб – 2 руб. 50 коп. за 1 кг, а на пшеничный – 4 руб. (7). С 5 октября 1933 г. свободная торговля печеным пшеничным и ржаным хлебом открывалась в Нижнем Тагиле, Златоусте, Надеждинске, Тобольске. Для свободной продажи хлеба в городах создавалась сеть специальных магазинов и ларьков. Согласно постановлению секретариата Уральского обкома ВКП(б) и президиума облисполкома от 29 сентября 1933 г. «Об организации свободной продажи печеного хлеба в городах Уралобласти» в Нижнем Тагиле под коммерческую торговлю хлебом отводилось 15 магазинов и 12 ларьков, в Златоусте – 15 магазинов и 10 ларьков, в Надеждинске соответственно – 8 и 7, в

Тобольске – 7 и 8. Организация свободной продажи хлеба была возложена на Уралторг, а организация выпечки хлеба – на Уралхлеботрест (8).

Коммерческая торговля хлебом, как и предписывалось центральным руководством, в четырех городах началась 15 сентября. В Перми на это время была открыта 51 точка торговли хлебом, по состоянию на 21 октября их насчитывалось 54. Пропускная способность открытых точек определялась в 100 тонн ежедневно, из них пшеничного – 60 т и ржаного – 40 т. Однако данное количество продажи не выполнялось, что объяснялось «недозавозом» и «недовыпечкой» хлеба, так как Хлебозавод по плану мог дать только 44 т, а три пекарни города – 28 т. Отсутствовал ассортимент хлеба. В магазины и ларьки поступал или один ржаной, или один пшеничный хлеб, причем последний не отвечал стандартам качества. За месяц свободной торговли в Перми продали 1383 т хлеба, а следовало продать 2700 т. За хлебом в магазины и ларьки днем создавались очереди. Сотрудники Пермского горкома ВКП(б) считали, что дневные очереди образовывались за счет приезжих из района, так как при вечерней торговле очереди отсутствовали. Рабочие жаловались на то, что с введением коммерческой торговли снизилось не только количество, но и качество хлеба, выдаваемого по карточкам: он часто продавался сырой и недопеченный (9).

Негативным результатом разрешения коммерческой торговли хлебом стало снижение его качества и сокращение объемов, отводимых на карточное снабжение. Но в результате данного шага советского руководства городское население области получило дополнительную возможность приобретения хлеба. Осенью 1933 г. свободная продажа хлеба частично компенсировала горожанам сокращение базарной торговли, связанное с плохими погодными условиями. В ноябре бездорожье, а затем наступление холодов затрудняли выезды на базары и вызывали сокращение привоза большинства продуктов. Таким образом, природно-климатические условия являлись одним из факторов развития торговли.

Наряду с карточной системой, коммерческой и легальной рыночной торговлей источником продовольствия традиционным для населения оставался «черный рынок». В Шадринске, Кургане, Тюмени, Кудымкаре, Красноуфимске, Кунгуре, Осе, Первоуральске, Перми и поселке Пласт в ноябре 1933 г. нелегально торговали мукой. Более развита была нелегальная торговля печеным хлебом. Но

следует отметить, что в городах, где была введена коммерческая торговля печеным хлебом, «спекулятивная» торговля им практически прекратилась. Спекуляция хлебом наблюдалась на базарах Кунгура, Воткинска, маслом, яйцами – Камышлова, картофелем – Березников. В Каменске зафиксировали четыре случая перепродажи хлеба и три случая спекуляции картофелем, в результате было конфисковано 48 кг хлеба и 12 ц картофеля. В Лысьве перепродавался печеный хлеб, купленный в коммерческих хлебных магазинах Перми. В Сарапуле за ноябрь составили 101 протокол по фактам спекуляции. Наблюдалась спекуляция продовольственными товарами в крупных промышленных центрах – Челябинске, Магнитогорске, Тагиле. В Свердловске спекуляция продуктами питания процветала на всех базарах города, особенно была развита на базаре ВИЗа (10).

Свободная продажа хлеба в ряде городов привела к ликвидации спекуляции хлебом в этих населенных пунктах, что повлияло на разрешение коммерческой торговли хлебом в других городах. 31 ноября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило еще двенадцать населенных пунктов Уральской области, в которых разрешалось и предписывалось организовать свободную продажу печеного хлеба: Сарапул, Верещагино, Ялуторовск, Камышлов, Ишим, Курган, Троицк, Красноуфимск, Шадринск, Полтавка, Петухово, Кунгур (11). 1 декабря 1933 г. Политбюро приняло решение включить в список городов по свободной продаже хлеба из государственных магазинов дополнительно Березники, Красноуральск, Тюмень, Лысьву, Чусовая, Карабаш, Калату, Соликамск, Алапаевск, Кушву, Первоуральск, Каменск, Копейск (12).

Следует отметить то обстоятельство, что между принятием Политбюро решения об организации свободной торговли хлебом в населенных пунктах и собственно началом продажи хлеба в ларьках и магазинах проходил достаточно длительный промежуток времени, в течение которого на местах проводились мероприятия по организации продаж: от юридического оформления решениями областных партийных органов и советских учреждений до создания торговых точек, организации поставок хлеба и открытия магазинов в определенные сроки. При этом снабжаемые контингенты испытывали недостаток в продуктах питания, получаемых по карточкам, в том числе хлебе. В Березниковском районе по состоянию на 13 декабря 1933 г. еще не была разрешена свободная торговля хлебом, несмотря на решение Политбюро от 1 декабря включить Березники в список

населенных пунктов по свободной продаже хлеба. Управляющий Союзкалием, директор первого рудника писал первому секретарю Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову, что снабжение рабочих являлось недостаточным, имелось «недоснабжение», а свободная торговля хлебом позволила бы ряд категорий сотрудников предприятия перевести на коммерческий хлеб (13). В конце 1933 г., несмотря на организацию свободной продажи хлеба в ряде городов и заводских поселков, снабжаемые контингенты продолжали испытывать недостаток в хлебе.

Таким образом, в условиях продовольственного кризиса, голода, обусловленных форсированием модернизационных процессов, механизм продовольственного обеспечения горожан включал не только централизованное карточное снабжение, но и рыночную торговлю. Индустриальный прагматизм руководства страны проявился как в иерархии снабжения населения, так и в процессе организации торговли, когда при открытии колхозных рынков, разрешении коммерческой продажи хлеба приоритет в сроках и объемах поставок имели крупные индустриальные центры. Но ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение свободной продажи хлеба не решили продовольственной проблемы в уральском городе, хотя в совокупности они позволили избежать голода, который проявился в более жестких формах в сельской местности.

---

1. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 89–90.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 41.
3. Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. №5. С. 88–89.
4. Там же. С. 89; Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 61; Осокина Е.А. Указ. соч. С. 150–151.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 48; Д. 352. Л. 52, 53.
6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 45.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 30, 31.
8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3307. Л. 61.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 197, 198.

10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 352. Л. 72, 72об, 74.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 933. Л. 66.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 935. Л. 63, 64.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 159.

Бахтина И.Л.
(Екатеринбург)

Общественно-политическое образование и воспитание сельских школьников на Урале в 1920-е гг.

Советская школа в 1920-е гг. рассматривалась как орудие коммунистического перерождения общества, она не могла строить учебно-воспитательный процесс, основываясь на методах и принципах дореволюционной школы. Партийным руководством страны декларировалась необходимость коренного пересмотра характера и содержания, и воспитания в школе. Воспитательная работа советской школы делала ставку на развитие коллективизма, интернационализма и безрелигиозности (1).

Однако в рассматриваемый период успехи антирелигиозного воспитания были не очень велики: первые послереволюционные годы еще слишком живо было воспоминание об уроках Закона Божия, а в годы НЭПа как среди учеников, так и среди учителей развернулось широкое антирелигиозное движение (2). В антирелигиозном движении активное участие принимали комсомол и пионерская организация, но и комсомол, и пионерское движение на протяжении рассматриваемого периода еще не добились господствующего положения в жизни массовой школы, поэтому ситуация оставалась такой, как сказано выше.

В 1920-е гг., опасаясь оживления мелкобуржуазной идеологии в условиях НЭПа, большевистское руководство требовало от органов народного образования особое внимание уделять повышению общественно-политических знаний школьников. Эти знания должны были даваться, прежде всего, в ходе текущего учебного процесса в непосредственной связи с изучаемым материалом. В этот период особая роль в политическом воспитании отводилась новым общественным дисциплинам – обществоведению и политграмоте.